

УДК 321.01

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.40.18>

Основные периоды развития современного государства всеобщего благосостояния: от зарождения до кризиса

А. А. Малахов*

*Федеральный исследовательский центр картофеля им. А. Г. Лорха, г. Красково,
Российская Федерация*

Аннотация. Анализируются основные периоды становления и развития государства всеобщего благосостояния. В качестве первого этапа определяется основание государств «минимального благосостояния» в период развития капитализма и становления парламентской демократии. Второй этап – рождение современного государства всеобщего благосостояния (1880–1914) – связывается с введением в большинстве стран механизмов социального страхования в качестве основного институционального инструмента социального государства. Отмечается, что золотой век государств всеобщего благосостояния конституирован ростом социальных расходов во всех развитых странах мира.

Ключевые слова: социальная политика, государство всеобщего благосостояния, общественный договор, естественное (дополитическое) состояние, социальная защита.

Для цитирования: Малахов А. А. Основные периоды развития современного государства всеобщего благосостояния: от зарождения до кризиса // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2022. Т. 40. С. 18–28. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.40.18>

Original article

The Main Periods of Development of the Modern Welfare State: From Its Inception to the Crisis

A. A. Malakhov*

Federal Potato Research Center named after A. G. Lorkh, Kraskovo, Russian Federation

Abstract. The main periods of formation and development of the welfare state are analyzed. As the first stage, the foundation of the “minimum welfare” states is determined during the development of capitalism and the formation of parliamentary democracy. The second stage – the birth of the modern welfare state: 1880–1914 – is associated with the introduction of social insurance mechanisms in most states as the main institutional instrument of the welfare state. It is noted that the “Golden Age” of welfare states is constituted by the growth of social spending in all developed countries of the world.

Keywords: social policy, welfare state, social contract, natural (pre-political) state, social protection.

For citation: Malakhov A.A. The Main Periods of Development of the Modern Welfare State: From Its Inception to the Crisis. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2022, vol. 40, pp. 18–28. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.40.18> (in Russian)

Одним из наиболее важных событий в реальной политике, после которого в общественный договор между населением и государством был внесен пункт, связанный с необходимостью государства обеспечить минимальную социальную защиту для граждан, были общественные дебаты о так называемом новом Законе о бедных.

Для многих ученых государство всеобщего благосостояния является продуктом периода, непосредственно последовавшего в развитых странах за окончанием Второй мировой войны. В англосаксонском мире это понимание связано с широким распространением так называемой концепции Бевериджа (частично подготовленной во время войны и изложенной в знаменитом докладе сэра Уильяма Бевериджа о социальном страховании). Доклад сэра Бевериджа завершался рекомендациями, в которых излагались основные принципы государственной поддержки наименее слабо защищенных слоев населения.

Однако важно обнаружить не тот момент, когда впервые это явление приобрело признанное сегодня большинством ученых наименование, а тот, когда начало складываться и сложилось само явление. В этом отношении мы солидаризируемся с теми учеными, которые полагают, что государство всеобщего благосостояния как социально-политический и экономический феномен было фундировано и начало оформляться после и на волне роста социал-демократических движений и в тех странах, в которых капиталистические отношения и национальные государства были к этому времени в общих чертах сформированы. Причем существовавшие экономические и государственные образования сами устанавливали границы и базовые параметры государства всеобщего благосостояния.

Мы полагаем, что в процессе развития государств всеобщего благосостояния можно выделить следующие основные этапы.

Основание государств «минимального благосостояния»

В период развития капитализма, в соответствии с новой меркантилистской доктриной, образованный класс постепенно стал проникаться идеей, заключающейся в том, что государство должно активнее содействовать национальному процветанию и нести ответственность за трудящихся и за бедняков, поскольку именно трудящиеся являются основным источником национального богатства. С ростом темпов индустриализации рос и интерес государств к управлению жизнью населения [6; 7; 23; 24]. Оформлявшийся в тот период либерально-капиталистический взгляд на право на общественное благосостояние воплощал в себе, согласно меткому выражению К. Поланьи, «либеральный прорыв» в государственной политике [3; 7].

Одним из наиболее важных событий, после которого в общественный договор между населением и государством был внесен пункт об обязанности государства обеспечить минимальную социальную защиту граждан, были общественные дебаты о так называемом новом Законе о бедных, продолжавшиеся в Англии в конце XVIII – начале XIX в. и окончившиеся принятием Закона 1834 г. Его инновационность состояла в централизации заботы о бедных и переносе ответственности за призрение на государство. Общественная дискуссия

позволила британскому обществу осознать коллективное бытие в его единстве, а коллективную ответственность – как его неотъемлемую составляющую.

С принятием Закона о бедных был открыт новый социальный мир, о самом существовании которого никто и не подозревал: мир социальных норм, управляющих сложными общественными отношениями, которые устанавливаются государством и реализация которых является одной из функций государственного управления [3]. Признавая это как данность, согласимся с К. Поланьи, отмечавшим, что «в начале XIX столетия произошли фундаментальные изменения, которые привели к усилению автономности экономических отношений. Эти изменения, подхваченные и усиленные либеральной политической экономией, произвели отстранение и отрыв экономического от социального и, более того, породили претензии со стороны экономических отношений на безусловное первенство. <...> В результате развитие рыночной экономики имеет тенденцию к формированию того, что называют рыночным обществом. В нем логика рынка распространяется на области, которые изначально к экономике непосредственного отношения не имели» [Цит. по: 3]. И здесь Поланьи указывает на возникновение серьезного противоречия: оказывается, что рыночное общество по природе своей невозможно. Поланьи критикует традиционную экономическую теорию за ее попытку превращения данных фикций в реальность. Он обращает внимание на то, что сопротивление рыночной экспансии возникает и в ткани социальных отношений. Общество вырабатывает своего рода защитный панцирь из культурных институтов, который защищает его не только от провалов саморегулирующегося рынка, но и от чрезмерной «маркетизации». Социальная защита и институт пенсий стали именно такими «панцирями» [Там же].

Можно заключить, что в XIX в. оформилось «минимальное» государство всеобщего благосостояния, которое осуществляло пусть и незначительные, но все же интервенции в экономику для обеспечения минимальной защиты бедных. Викторианская Британия, иногда представляющаяся как сущностное воплощение политики невмешательства, ассоциируемая с ночным сторожем либерального капитализма, тем не менее была страной, в которой государство уже в начале XIX в. было озадачено регулированием и контролем широкого спектра общественных отношений: условий работы на фабричном производстве, качества жилья, обеспечения здравоохранения, государственного образования, муниципальных услуг, компенсаций работникам при наступлении несчастных случаев на производстве и др. Даже в самой либеральной стране современного мира – США – в XIX в. на федеральном уровне существовала поддержка программ государственного образования, общественной помощи слепым, немым, душевнобольным и неимущим. В других государствах, с более патерналистской и активной государственной традицией, наблюдалось даже более активное регулирование социального обеспечения.

Таким образом, прелюдией к фондации современных социальных государств было становление в большинстве капиталистических стран «минимального» государства всеобщего благосостояния.

Рождение современного государства всеобщего благосостояния (1880–1914)

Существенная трудность в определении «границ» современного государства всеобщего благосостояния заключается в том, что нам необходимо выявить качественные отличия, которые можно было бы считать конституирующим признаком государств всеобщего благосостояния. Одним из главных таких признаков является наличие в государстве системы социального страхования: в разных странах они вводились в разные периоды времени, отличались по охвату и масштабам участия государства, а также по размеру государственной помощи. Различались также и модели ее оказания, однако именно функционирование системы социального страхования считается большинством исследователей основным институциональным инструментом государства всеобщего благосостояния [10; 12–14; 18].

Идеологическая подоплека введения социального страхования заключается в признании государством наступления для подданного состояния, при котором он оказывается неспособен зарабатывать на жизнь (и жизнь своей семьи) в результате таких обстоятельств, как старость, болезнь, инвалидность, увечья (раны, полученные на войне) или безработица (т. е. в результате наступления состояний, нормальных для промышленно развитых, интенсивно развивающихся обществ). В начале XX в. государства признают своей естественной и законной обязанностью организацию предоставления этим категориям населения хотя бы минимального материального обеспечения [8; 10; 13; 14; 18].

В новой общественной ситуации социальное страхование конституирует стремление государства депауперизировать общество. Следует отметить, что депауперизация действительно стала прямым следствием введения социального страхования и его постепенной легитимации в качестве основного элемента нового общественного договора, согласно которому обеспечение гражданам минимального благосостояния выходит на первый план.

Исходя из этого критерия, при определении временных «границ» современного государства всеобщего благосостояния мы можем с относительной уверенностью опираться на даты введения социального страхования, снятия имущественного ценза и последовавшего введения всеобщего избирательного права.

Методологическая проблема заключается в том, что в различных странах в разное время вводятся программы с различными охватом, размером государственных расходов, критериями и механизмами финансирования, в этом отношении одна и та же инициатива – социальное страхование – имела совершенно различное политическое и экономическое оформление. Однако, анализируя то, в какой период и в каком объеме были введены системы социального страхования, исследователи обнаруживают поразительную историческую закономерность: в течение тридцати лет между началом распространения медицинского страхования в Германии в 1883 г. и началом войны в 1914 г. во всех странах развитого капитализма, за исключением Канады и США, была введена система государственной гарантии оплаты труда рабочих в случае наступления болезни, увечья или инвалидности. В тот же период одиннадцать из тринадцати европейских стран ввели минимальное медицинское страхова-

ние и девять – пенсию по возрасту. Даже в США с 1870-х по 1910-е гг. произошло существенное расширение перечня и увеличение размера пособий по инвалидности, по случаю потери кормильца и пенсий по старости для ветеранов Союза армии гражданской войны [2; 23]. К 1910 г. около 28 % всех пожилых мужчин и почти треть пожилых людей северных штатов уже получали пенсии от правительства США, причем их размер был не только сопоставим с пенсиями, выплачиваемыми в ведущих государствах всеобщего благосостояния, но и превосходил их. Право на пенсию имели также вдовы ветеранов и погибших на войне военнослужащих, дополнительные выплаты и пособия пенсионерам и ветеранам войн начислялись и на местном уровне [Там же].

Хотя компенсация по безработице, как правило, была последней из базовых и первоначальных мер социальной защиты, вводимых в будущих государствах всеобщего благосостояния, в развитых странах около 30 % безработных к началу 20-х гг. уже были охвачены программами социальной поддержки. Иными словами, уже более 100 лет назад европейские страны признали определенную форму ответственности государства за защиту граждан (подданных) от последствий безработицы [20; 21; 23].

Что касается гражданских прав, то можно обнаружить определенные параллели (хотя прямая причинно-следственная связь и не установлена) между развитием социального страхования и введением всеобщего избирательного права для мужчин. За четверть века между 1894 и 1920 гг. в одиннадцати из семнадцати европейских стран было введено всеобщее избирательное право. Примечательно, что те страны, где ранее всего появилось полное избирательное право для мужчин и были сняты имущественные цензы (в том числе Германия, Франция, Дания и Новая Зеландия), одновременно были государствами-новаторами в области социального обеспечения. Во многих других странах в этот период также был устранен имущественный ценз, лишавший бедных права голоса (в Великобритании – в 1918 г., в Норвегии – в 1919 г., Швеции – в 1921 г.) [2; 11; 15].

К показателям роста социальных расходов (рост социальных расходов многими учеными рассматривается как второй критерий установления государства всеобщего благосостояния) в этот ранний период следует подходить с особой осторожностью. Разные национальные критерии определения «социальных расходов», отличия в расчете национального дохода, трудности с агрегированием национальных и субнациональных расходов, а также ненадежность и скудость данных о состоянии до 1945 г. обуславливают очень приблизительное определение пороговых значений расходов. Тем не менее общие данные убедительно свидетельствуют о скромном, но последовательном росте социальных расходов на протяжении всего этого периода.

В частности, можно с относительной уверенностью утверждать, что ни одна из европейских стран, за исключением Германии и Швейцарии, не достигла уровня социальных расходов в 3 % к 1900 г. Однако к 1920 г. более половины дошли до этого порога, а к 1930 г. все они преодолели 3%-ный показатель. Более того, около трети государств уже в 1920-е гг. переступили и 5%-ный порог, а большинство других – в начале и середине 1930-х гг. (когда

возрастающие требования населения к социальному страхованию государствам часто приходилось удовлетворять на фоне падения валового национального продукта и в условиях депрессии) [11; 15].

Государства всеобщего благосостояния в 1920–1975 гг.: эпоха роста

Расширение социальных бюджетов в межвоенные годы (несмотря на кризисы и рецессии) помогает выделить одну из ключевых особенностей государств всеобщего благосостояния – поступательный рост социальных бюджетов вплоть до середины 1970-х гг.

Именно этот рост определил то обстоятельство, что сам термин «государство всеобщего благоденствия» широко ассоциируется с контрастом между относительной бедностью, в которой граждане даже развитых государств пребывали уже в XX в. в периоды мировых войн, и той социальной защищенностью, которая стала целью и смыслом внутренних политик государств Европы, восстанавливающих народное хозяйство и доверие своего населения [19]. Наиболее ярко это проявилось, как это ни парадоксально, в послевоенной Германии. После войны (в 1957 г.) имел место поворотный момент в истории немецкой социальной политики как политики государства, стремящегося к обеспечению всеобщего благосостояния, положившего начало коренной реорганизации системы пенсионного обеспечения по старости в целях поддержания достойного уровня жизни для всех граждан вне зависимости от возраста и социального статуса. Ключевой идейной основой реформы, которая имела большое значение как в целеполагании реформы, так и в ее итогах, выступало понятие справедливости. Справедливость, будучи исключительно сложным и многогранным феноменом, в идеологии реформы получила два основных истолкования, воплощенных также в финансовой схеме реформированной пенсионной системы [4; 5; 15–17; 22].

Во-первых, справедливость – это принцип, определяющий эквивалентность пенсионных пособий заработной плате, налоговым и страховым взносам человека в период его трудовой деятельности. Вопрос о восстановлении справедливости по отношению к пожилым людям (в американской идеологии социальной политики – к «достойным гражданам») в этом ее преломлении встал в ФРГ особенно остро именно в конце 40-х гг., поскольку в результате двух мировых войн, развязанных и проигранных Германским государством, и двух периодов глубочайших экономических кризисов и жесткой инфляции огромное число мужчин погибли, стали калеками или лишились работы, семьи потеряли кормильцев или остались без жилья. Кроме того, войны и инфляции уничтожили большую часть активов, которые представители среднего класса откладывали на старость, тех финансовых средств, с помощью которых миллионы немцев надеялись сохранить свое социальное положение после выхода на пенсию. Соответственно, те люди, которые вынесли на своих плечах тяготы проигранных государством войн и послевоенного восстановления экономики крупнейшего государства Европы, требовали и ждали от него мер по обеспечению их старости.

Во-вторых (и второй компонент справедливости был тесно связан с первым), на повестке дня остро встал принцип равенства поколений, который в конечном итоге нашел свое оформление в зависимости пенсий от роста доходов государственного бюджета и работающего населения.

Таким образом, пенсионная реформа 1957 г. больше всего была направлена на восстановление системы социального равенства, т. е. на то, чтобы все пожилые люди занимали ту социальную позицию, к которой они стремились в течение их трудовой жизни. Пенсионной реформой 1957 г. в Германии был обозначен новый стандарт социальной политики для государств всеобщего благосостояния: ранее считавшаяся нормой даже для богатых стран почти неразрывная связь между бедностью и старостью была разрушена для значительной части населения – большинства представителей среднего класса – за счет эффективной государственной пенсионной политики [8].

В настоящее время Германия многими исследователями справедливо считается одной из моделей государства всеобщего благосостояния [4; 8; 9; 11; 20; 21], хотя в большинстве развитых стран, в том числе в СССР, в течение 15–20 лет после Второй мировой войны произошел качественный скачок в обеспечении общественного благосостояния. К 1970-м гг. все государства всеобщего благосостояния сильно отличались от того, какими они были в конце Первой мировой войны: выросли продолжительность и качество жизни, стандарты потребления, отношение к старикам и старости к 1970-м гг. изменилось по мере роста внимания государств к социальным политикам, а иногда и благодаря этому росту.

Более того, институциональный дизайн государства всеобщего благосостояния сейчас является обыденным и повсеместным, поэтому мы иногда склонны упускать из виду огромные масштабы преобразований, произошедших в большинстве стран мира между 1920-ми и 1970-ми гг. Безусловно, на протяжении всего этого периода в различных странах темпы роста социальных расходов и их структура были различны и не сводимы к единому вектору, поэтому, говоря об общих тенденциях развития государств всеобщего благосостояния, следует проявлять внимательность и даже осторожность. Вместе с тем, как справедливо утверждает Пирсон, события этого периода настолько существенны и поразительны, что по крайней мере некоторые обобщения оправданны [15–17]. Эти изменения можно описать в виде следующих тенденций.

Во-первых, это огромные масштабы и повсеместность роста социального бюджета. В 1914 г. только семь европейских стран достигли уровня социальных расходов в 3 % ВВП. К 1940 г. почти все достигли уровня социальных расходов, превышающего 5 %. В начале 1950-х гг. этот показатель составлял от 10 до 20 %. К середине 1970-х гг. в европейских государствах всеобщего благосостояния от одной четверти до примерно трети ВВП направлялось на социальные расходы. Даже самые либеральные государства всеобщего благосостояния поступательно наращивали социальный бюджет: так, в США общие социальные расходы выросли с 2,4 % ВВП в 1890 г. до 20,2 в 1981 г. Даже в Японии, где значительная доля социального обеспечения организуется и осуществляется через частные корпорации, социальный бюджет увеличился с

1,4 % ВВП в 1890 г. до 16,2 в 1985 г. [11; 15; 20; 22]. Причем рост доли социальных государственных расходов происходит на фоне семикратного увеличения среднего объема производства на душу населения в развитых странах за последние 100 лет.

Во-вторых, во всех странах всеобщего благосостояния наблюдались демографические изменения.

Следует отметить, что существенным фактором роста социальных бюджетов было осознание гражданами своих социальных и политических прав и требований. Этот процесс был постепенным и поступательным, имевшим существенную инерционность, но к 70-м гг. из-за демографических изменений (наиболее важными из этих изменений было продолжающееся до настоящего времени увеличение ожидаемой продолжительности жизни и снижение показателей смертности) этот процесс очень ярко проявил себя в том, что в развитых странах пенсионеры и лица предпенсионного возраста стали ключевой электоральной группой [1].

Так, ожидаемая продолжительность жизни женщин при рождении возросла в период с 1900 по 1967 г. с 49,4 до 74,1 года (Англия и Уэльс), с 47 до 75 лет (Франция) и с 46,6 до 73,5 года (Западная Германия). Общий годовой уровень смертности снизился в тех же странах в период с 1900 по 1950 г. с 18,2 (на тысячу человек) до 12,5 в Англии и Уэльсе, с 21,9 до 12,7 – во Франции и с 22,1 до 10,5 – в Западной Германии. Доля населения в возрасте 65 лет и старше в странах ОЭСР увеличилась с 9,7 % в 1960 г. до 12,7 в 1985 г. [11; 15]. Изменение демографической структуры привело к тому, что успех политических партий стал напрямую зависеть от качества пенсионных программ и пенсионных реформ, выдвигаемых ими [1].

Кризис государств всеобщего благосостояния

После 1970-х гг. золотой век государств всеобщего благосостояния постепенно сменился кризисом, который в первую очередь был связан с тем, что на фоне и в результате старения населения соотношение экономически неактивной и экономически активной его частей (за счет производительного труда которой должны финансироваться пенсии) растет и будет продолжать расти в пользу первого компонента. Коэффициент иждивенцев (доля людей в возрасте 0–14 лет плюс доля людей в возрасте 60 лет и старше к доле людей в возрасте 15–59 лет) фактически упал в Западной и Северной Европе в 1980-х гг. из-за сокращения численности молодежи. Но в период с 1990 по 2000 г. он начал расти. Согласно прогнозам, не только Россия, но и такие страны, как Словакия, Чешская Республика, Болгария, Польша, Германия, Греция, Швеция, Словения и Италия, столкнутся с наиболее серьезными проблемами. Например, в Германии число людей трудоспособного возраста (15–64), по прогнозам, сократится с 54,6 млн в 2007 г. до 41,9 млн в 2050 г., в то время как число пенсионеров в возрасте 65 лет и старше увеличится с 16,3 до 22 млн. В Греции в 2007 г. насчитывалось 7,5 млн людей трудоспособного возраста, их число в 2050 г. сократится до 6,3 млн, а за тот же период времени число пен-

сионеров увеличится с 2,1 до 3,5 млн. Таким образом, если в 2007 г. коэффициент иждивенцев составлял 25 %, то к 2050 г. неизбежно увеличится до 50 % [1; 11; 15].

Таким образом, подводя итог нашим рассуждениям, можно заключить, что современная конфигурация государств всеобщего благосостояния действительно оформилась в виде своего «золотого стандарта» после Второй мировой войны, когда большинство современных государств приняли за основу социальной политики идею ответственности за обеспечение прав граждан на достойную жизнь. В общем итоге государство всеобщего благосостояния («социальное государство», «государство всеобщего благоденствия») можно описать как систему социальной организации, при которой государство как аппарат управления и регулирования всеми общественными отношениями ответственно за благосостояние своих граждан, предоставление им равных политических, юридических и социальных прав, осуществление справедливого распределения доходов.

Список литературы

1. *Вишнеvesкий А. Г.* Пенсионная реформа: на пересечении экономического и демографического // XIV Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. В 4 кн. Кн. 1. М., 2014. С. 207–214.
2. *Поланьи К.* Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб. : Алетейя, 2002. 320 с.
3. *Сидорина Т. Ю.* Государство всеобщего благосостояния. СПб. : Нестор-История, 2018. 144 с.
4. *Amenta E., Clemens E., Olsen J., Parikh S., Skocpol Th.* The Political Origins of Unemployment Insurance in Five American States // *Studies in American Political Development*. 1987. N 2. P. 137–182.
5. *Amenta E., Skocpol T.* States and social policies // *Annual Review of Sociology*. 1986. N 12. P. 131–157.
6. *Andersen J. G., Larsen C. A.* Pension politics and policy in Denmark and Sweden: Path Dependencies, Policy Style, and Policy Outcome // XV World Congress of Sociology, Brisbane. 2002.
7. *Arts W., Gelissen J.* Three worlds of welfare capitalism or more? A state-of-the-art report // *Journal of European Social Policy*. 2002. Vol 12, N 2. P. 137–158.
8. *Bach Ch.* Normalitätsmaßstäbe in der Geschichte der Sozialversicherung // *Die Politische Meinung*. 2018. N 10. 552 p.
9. *Bonoli G.* Classifying Welfare States: A Two-dimension Approach // *Journal of Social Policy*. 1997. N 26 (3), P. 351–172.
10. *Ellis B.* Pensions in Britain 1955–1975: A History in Five Acts. London, 1989. P. 53–56.
11. *Flora P., Heidenheimer A.* The Development of Welfare States in Europe and America. New Brunswick NJ : Transaction, 1981. 417 p.
12. *Hansson I., Stuart C.* Social Security as Trade among Living Generation // *American Economic Review*. 1989. N 79. P. 79–88.
13. *Hall P.* Policy Paradigms, Social Learning, and the State: The Case of Economic Policy-making in Britain // *Comparative Politics*. 1993. Vol. 25, N 3. P. 275–296.
14. *Merton R. K.* Social Structure and Anomie // *American Sociological Review* (Harvard University). Vol. 3, N 5. P. 672–682.
15. *Pierson P.* Dismantling the Welfare State? Reagan, Thatcher and the politics of retrenchment. Cambridge, 1997. 200 p.
16. *Pierson P.* Increasing Returns, Path Dependence, and the Study of Politics // *The American Political Science Review*. 2000. Vol. 94, N 2. P. 251–267.
17. *Pierson P.* When Effect Becomes Cause: Policy Feedback and Political Change // *World Politics*. 1993. Vol. 45, N 4. P. 595–628.

18. Piñera J. Empowering workers: The privatization of social security in Chile. *Cato's letter N 10*. Washington, DC : Cato Institute, 1996. 18 p.
19. Tempie W. *Christianity and Social Order*. London : Shephard-Walwyn. 128 p.
20. Quadagno J. Welfare capitalism and the Social Security Act of 1935 // *Am. Sociol. Rev.* 1984. N 49. P. 632–647.
21. Quadagno J. From poor laws to pensions: The evolution of economic support for the aged in England and America // *Milbank Mem. Fund Q.* 1984. N 62. P. 417–446.
22. Quadagno J. Two models of welfare state development: Reply to Skocpol and Amenta // *Am. Soc. Rev.* 1985. N 50. P. 575–577.
23. Skocpol T. America's incomplete welfare state: the limits of New Deal reforms and the origins of the present crisis // *Ann. Meet. Amer. Soc. Assoc. San Antonio*, 1982. 714 p.
24. Skocpol T., Amenta E. Did capitalists shape social security? // *Am. Sociol. Rev.* 1985. N 50. P. 572–575.

References

1. Vishnevskiy A.G. Pensionnaya reforma: na peresechenii ekonomicheskogo i demograficheskogo [Pension reform: at the intersection of economic and demographic]. *XIV Aprelskaya mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva. V 4 kn. Kn. 1* [XIV April International Scientific Conference on Problems of Economic and Social Development: in 4 books, book 1], Moscow, 2014, pp. 207-214. (in Russian)
2. Polan'i K. *Velikaya transformaciya: politicheskie i ekonomicheskie istoki nashego vremeni* [The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time]. Saint Petersburg, Aletheia Publ., 2002, 320 p. (in Russian).
3. Sidorina T.Yu. *Gosudarstvo vseobshchego blagosostoyaniya* [The Welfare State]. Saint Petersburg, Nestor-History Publ., 2018, 144 p. (in Russian)
4. Amenta E., Clemens E., Olsen J., Parikh S., Skocpol Th. The Political Origins of Unemployment Insurance in Five American States. *Studies in American Political Development*, 1987, no. 2, pp. 137-182.
5. Amenta E., Skocpol T. States and social policies. *Annual Review of Sociology*, 1986, no. 12, pp. 131-157.
6. Andersen J. G., Larsen C. A. Pension politics and policy in Denmark and Sweden: Path Dependencies, Policy Style, and Policy Outcome. *XV World Congress of Sociology, Brisbane*, 2002.
7. Arts W., Gelissen J. Three worlds of welfare capitalism or more? A state-of-the-art report. *Journal of European Social Policy*, 2002, vol. 12, no. 2, pp. 137-158.
8. Bach Ch. Normalitätsmaßstäbe in der Geschichte der Sozialversicherung. *Die Politische Meinung*, 2018, no. 10, 552 p.
9. Bonoli G. Classifying Welfare States: A Two-dimension Approach. *Journal of Social Policy*, 1997, vol. 26 (3), pp. 351-172.
10. Ellis B. *Pensions in Britain 1955–1975: a History in Five Acts*. London, 1989, pp. 53-56.
11. Flora P., Heidenheimer A. *The Development of Welfare States in Europe and America*. New Brunswick NJ? Transaction, 1981, 417 p.
12. Hansson I., Stuart C. Social Security as Trade among Living Generation. *American Economic Review*, 1989, no. 79, pp. 79-88.
13. Hall P. Policy Paradigms, Social Learning, and the State: The Case of Economic Policymaking in Britain. *Comparative Politics*, 1993, vol. 25, no. 3, pp. 275-296.
14. Merton R.K. Social Structure and Anomie. *American Sociological Review (Harvard University)*, vol. 3, no. 5, pp. 672-682.
15. Pierson P. *Dismantling the Welfare State? Reagan, Thatcher and the politics of retrenchment*. Cambridge, 1997, 200 p.
16. Pierson P. Increasing Returns, Path Dependence, and the Study of Politics. *The American Political Science Review*, 2000, vol. 94, no. 2, pp. 251-267.
17. Pierson P. When Effect Becomes Cause: Policy Feedback and Political Change. *World Politics*, 1993, vol. 45, no. 4, pp. 595-628.
18. Piñera J. *Empowering workers: The privatization of social security in Chile. Cato's letter N 10*. Washington, DC, Cato Institute, 1996, 18 p.

19. Tempie W. *Christianity and Social Order*. London: Shephard-Walwyn, 128 p.
20. Quadagno J. Welfare capitalism and the Social Security Act of 1935. *Am. Sociol. Rev.*, 1984, no. 49, pp. 632–647.
21. Quadagno J. From poor laws to pensions: The evolution of economic support for the aged in England and America. *Milbank Mem. Fund Q.*, 1984, no. 62, pp. 417–446.
22. Quadagno J. Two models of welfare state development: Reply to Skocpol and Amenta. *Am. Soc. Rev.*, 1985, no. 50, pp. 575–577.
23. Skocpol T. *America's incomplete welfare state: the limits of New Deal reforms and the origins of the present crisis*. San Antonio, 1982, 714 p.
24. Skocpol T., Amenta E. Did capitalists shape social security? *Am. Sociol. Rev.*, 1985, no. 50, pp. 572–575.

Сведения об авторе

Малахов Антон Александрович
начальник юридического отдела
Федеральный исследовательский центр
картофеля им. А. Г. Лорха
Российская Федерация, 140051, Московская
область, пос. Красково, ул. Лорха, 23В
e-mail: malahov.lorh@bk.ru
ORCID: 0000-0003-1439-6133

Information about the author

Malakhov Anton Alexandrovich
Head of the Legal Department
Federal Potato Research Center named
after A. G. Lorkh
23B, Lorkh st., Kraskovo, 140051, Russian
Federation
e-mail: malahov.lorh@bk.ru
ORCID: 0000-0003-1439-6133

Статья поступила в редакцию **06.04.2022**; одобрена после рецензирования **02.05.2022**; принята к публикации **01.06.2022**
The article was submitted **April, 06, 2022**; approved after reviewing **May, 02, 2022**; accepted for publication **June, 01, 2022**